

И. А. Герасименко

Горловский институт иностранных языков

ГВУЗ «Донбасский государственный педагогический университет»

Лексические единицы с производной цветовой номинацией в русском языковом пространстве

Герасименко І. А. Лексичні одиниці з похідною колірною номінацією у російському мовному просторі. Стаття присвячено дослідженню структурно-семантичних та функціональних рис лексичних одиниць з похідною колірною номінацією, що використовуються у російській фразеології, мові фольклору й мові художньої літератури. У роботі розглянуто кількісне співвідношення цих одиниць у текстах різних жанрів, їх семантика та функціонування. Бул зроблений висновок, що полісемантичні та моносемантичні лексеми з похідною колірною номінацією непропорційно представлені у різних фрагментах російського мовного простору, що обумовлено лінгвокультурологічними чинниками.

Ключові слова: *колоратив, російський мовний простір, полісемантичний, моносемантичний, лінгвокультурологічний, фразеологія, мова фольклору, мова художньої літератури.*

Герасименко И. А. Лексические единицы с производной цветовой номинацией в русском языковом пространстве. Статья посвящена исследованию структурно-семантических и функциональных черт лексических единиц с производной цветовой номинацией, используемых в русской фразеологии, языке фольклора и языке художественной литературы. В работе рассмотрено количественное соотношение этих вербальных знаков в текстах разных жанров, их семантика и функционирование. Был сделан вывод, что полисемантические и моносемантические лексемы с производной цветовой номинацией непропорционально представлены в разных фрагментах русского языкового пространства, что обусловлено лингвокультурологическими причинами.

Ключевые слова: *колоратив, русское языковое пространство, полисемантический, моносемантический, лингвокультурологический, фразеология, язык фольклора, язык художественной литературы.*

Gerasimenko I. A. Lexical units with derived colour nomination in Russian language space. The article is devoted to the research of the structural-semantic and functional features of lexical units with derived colour nomination in Russian phraseology, folk texts and belles-lettres. The article studies the quantitative correlation of these units in different Russian language space fragments, their semantics and functioning. These polysemantic and monosemantic lexical words are presented in different Russian language space fragments by disproportionate number of units that is connected with linguoculturological reasons.

Keywords: *colour term, Russian language space, polysemantic, monosemantic, phraseology, folklore language, the language of belles-lettres.*

Для обозначения цветовых свойств реалий внешнего мира носители русской лингвокультуры используют не только слова с основной цветовой номинацией типа *белый, чёрный, красный*, но и с производной, наделённой, в большинстве своём, только семой цвета. Изучению лексем с производной цветовой номинацией посвящены лишь отдельные разделы некоторых обзорных работ, в числе которых исследования В. Г. Кульпиной, А. П. Василевича, В. Е. Моисеенко и др. Поэтому **актуальность работы** определяется тем, что в современной русистике назрела необходимость рассмотреть вопрос о структурно-семантических и функциональных свойствах лексем с производной цветовой номинацией, образование которых значительно уве-

личивает возможности выражения цвета и способствует пополнению словаря новыми цветообозначениями (далее — ЦО). **Цель статьи** — комплексно осветить роль и место лексем с производной цветовой номинацией в разных фрагментах русского языкового пространства (фразеологическом, народнопоэтическом, литературно-художественном); проанализировать их структурно-семантические и функциональные свойства с учётом лингвокультурологических факторов. **Объектом исследования** выступили ЦО — имена прилагательные с производной цветовой номинацией, **предметом** — структурно-семантические и функциональные особенности ЦО с производной цветовой номинацией русского языкового пространства в контексте их лингвокуль-

турной значимости. **Материалом исследования** стали фразеологические и паремиологические источники, тексты разножанрового русского фольклора и художественные произведения русских авторов разных эпох и литературных направлений (А. Ахматовой, О. Мандельштама, А. Белого, И. Северянина, И. Анненского, Вяч. Иванова, Л. Андреева, И. Бунина, М. Булгакова, А. Солженицына, Б. Пастернака, А. Илличевского, Братьев Пресняковых, Л. Улицкой), из которых методом сплошной выборки было вычленено около 1600 фразеологических, 1950 народнопоэтических и 5650 литературно-художественных текстовых фрагментов с ЦО. В понятие «русское языковое пространство» мы вкладываем не ареальный, а содержательный аспект, обозначая данным сочетанием языковой континуум, характеризующийся единицами разных уровней и реализующийся в текстах различных жанров и стилей. «Разнообразие, неоднородность, многоликость, пестрота русской языковой стихии, в целом, вслед за Ю. М. Лотманом (см., например: [3]), принято называть русским языковым пространством» [2:128].

Как показывает материал исследования, для описания цветовых свойств реалий окружающего мира носители русской лингвокультуры используют прилагательные с производной цветовой номинацией. Данная группа адъективов, будучи образованная от других слов с помощью аффиксов *-ов*, *-ав*, *-енн*, *-н*, *-ян*, получила от них и “цветовую” семантику. Спектральные значения возникли у этих лексем «по модели “такой, как...”» [6:229] благодаря, в основном, «предметно-языковой», соотносимой с цветом конкретного объекта, стратегии запоминания цвета [4:29].

Производные метафорические образования с позиций современного языка подразделяются на прилагательные с первичной (1) и вторичной (2) цветовой номинацией. К ЦО (1) относятся те, у которых значение цвета стало основным и единственным. Это, например, лексемы *коричневый* ‘буро-жёлтый’, *багрецовый*, *багровый*, *багряный* ‘пурпуровый’, *кипенный* ‘белый’, *кубовый* ‘синий’ и др. Восходящие к существительным *корица* (от *кора*), *багрец*, *кипень*, *куб*, эти и подобные слова «постепенно утрачивают изначальную этимологическую связь со своим источником и начинают восприниматься как абстрактные» лексемы [6: 10] с “цветовым” значением.

Данные адъективы относятся как к полисемантическим (*коричневый*), так и моносемантическим единицам языка (*багрецовый*, *багровый*, *багряный*, *кипенный*, *кубовый*). При этом

ЦО *коричневый* как ‘буро-жёлтый’ используется в народнопоэтической и литературно-художественной речи, вытеснив «с ведущих позиций слово *бурый*, которое [...] на протяжении сотен лет «справлялось» с функцией основного слова данной группы» [6:15]. Ср.: *Ах, тёща к обеду идёт, / На ней [...] / Епанечка коричневая, / На ней шапочка аленькая* [13:187]; [...] *нечего было и мечтать овладеть вселенским МОССОЛИТским билетом, коричневым, пахнущим дорогой кожей, с золотой широкой каймой, — известным всей Москве билетом* (М. Булгаков). В свою очередь, из лексического ряда *багрецовый*, *багровый*, *багряный* ‘густо-красный’ в народнопоэтической речи употребляется только лексема *багрецовый*, в языке художественной литературы — адъективы *багровый*, *багряный*: *У собора пресвятая Богородицы, / Мощены мосточки всё калиновы, / А вбиты гвоздочки шеломчатые, / Расстилены сукна багрецовые* [8:373]; *Не то солнце, к которому привыкли на земле, а какое-то другое, подменённое, багровым шаром висело в лесу* (Б. Пастернак); *На её багряном лице сердитость была малиновая* (А. Солженицын). Показательно то, что в процитированных литературно-художественных примерах с помощью ЦО *багровый*, *багряный* описывается ряд «логико-понятийных и эстетико-прагматических (основанных на реализации мифологической семантики) аспектов значений» [7:170]. Речь идёт о коннотациях ‘тревожный’, ‘угрожающий’, которые, хотя и не зафиксированы в лексикографических источниках, исторически закреплены за данными словами. Их наличие объясняется «устойчивой литературной традицией, существующей применительно к использованию их семантико-эстетических свойств» [7:171].

Моносемантические лексемы *кипенный* ‘белый’ и *кубовый* ‘синий’ также принадлежат языку художественной литературы и относятся к редкоупотребляемым словам. Так, примеры типа *Христоня — чистый и белый-белый, прямо кипенный* (М. Шолохов); *Она сумела щепкой извлечь из-под штукатурки испанку — и обнаружить красные тупоносые туфли на толстых каблуках под кипенными оборками [...]* (А. Илличевский); *И странно было видеть, как тепло, несмотря на зной, были одеты мужчины: кубовая рубаха до колен, ватная куртка [...]* (И. Бунин) единичны в художественной речи. При этом семантика данных слов осмысливается носителями языка исключительно как “цветовая”.

Как было сказано выше, прилагательные типа *коричневый, багрецовый, багровый, багряный, кипенный, кубовый* и под. мы относим к группе производных ЦО (1) с первичной цветовой номинацией. Это связано с тем, что “нецветовые” смыслы (если они есть) не входят в структуру значения данных лексем, они реализованы в других однокоренных словах (например, в адъективе *кипелый, кипучий* ‘связанный с кипением’; в восходящем к ст.-слав. *багъръ* ‘пурпурная раковина’ имени *багрец* ‘краска пурпурового цвета’; в лексеме *кипень* ‘белая пена от кипения’; в слове *куб*, обозначающем лесную горляху, из которой добывается кубовая краска).

К числу ЦО с вторичной цветовой номинацией (2) принадлежат, в первую очередь, используемые во фраземах, народнопоэтических и художественных текстах полисеманты *золотой* ‘золотой’, *серебряный* ‘серебряный’, *розовый* ‘бледно-красный’. Например, слово *золотой* задействовано носителями русской лингвокультуры в семантизации величия, красоты, ума, мастерства и т.д. Ср. *золотое сердце* [15:571]; *невелик соловей, да голос золотой* [12:231]; *Золотой был человек: мухи не обидел* [11:144]; *Золотые руки у того, кто обучился хорошо* [11:212]. Соответственно, всё лучшее — годы, время, слова, люди — также передаётся с помощью слова *золотой*: *золотой век* ‘счастливые времена существования человечества’ [15:59]; *золотая пора* ‘лучшее, счастливое время жизни’ [15:477]; *золотое время* ‘пора детства, юности, молодости’ [15:95]; *золотые слова* ‘умные, дельные высказывания, полезные советы’ [15:586]; *золотая доска* ‘мемориальный стенд с именами лучших учеников’ (устар.) [15:197]. Ср.: *Юность — время золотое: ест, и пьёт, и спит в покое* [12:335]; *Золотое время — молодые лета. Золотая пора — молодые годы* [9 (2):68]. Такая оценка внешней и внутренней красоты, мастерства и т.д. через определитель *золотой* основана на глубинной ценности золотого. «Понимание красоты, — пишет И. Маразов, — мифологически основано на комплексе представлений, связанном с золотом» [5:19]. Не случайно древние сравнивали с золотом всё то, что они считали совершенно и особенно красивым.

В свою очередь, коллективное сознание фиксирует в семантической структуре ЦО *розовый* значение такого цвета, который, как правило, «является признаком молодости, здоровья и отсюда приятного внешнего вида» [6:156]. Ср.: *Вёз их казак-старообрядец с таким детским розовым и чистым лицом, что*

даже Штокман беспричинно ёжил улыбкой губы, глядя на него (М. Шолохов); *Крохотная девочка в ватном пальтеце и капюшоне, изпод которого только и видны были розовые щёчки и носик, хотела подойти к совсем уже крохотной собачонке [...]* (Л. Андреев); *И может быть, ещё б чего сказал, да прибежал за ним Гопчик, хлопец лет шестнадцати, розовенький, как поросёнок [...]* (А. Солженицын). В таких описаниях к “цветовой” семантике адъектива *розовый* и его дериватам присоединяются дополнительные коннотации ‘здоровый’, ‘ничем не омрачённый’. Видимо, именно поэтому компонент *розовый* включён в ласкательные обращения народнопоэтической традиции (ср.: *Ручеёк переходила — / Переход берёзовый. / Поиграй повеселее, / Ваня, цветик розовый* [17:257]).

Кроме обозначенных полисемантов в русском языковом пространстве функционирует широкий ряд моносемантических адъективов с вторичной цветовой номинацией (2). В их числе образованные от существительных ЦО *вишнёвый* ‘цвета вишни’, *бирюзовый* ‘зеленовато-голубой’, *кумачовый* ‘ярко-красный’, *небесный* ‘голубой’ (в языке устного народного творчества и языке художественной литературы); *аквамариновый* ‘зеленовато-голубой’, *малиновый* ‘красный’, *аспидный* ‘чёрный’, *агатовый* ‘чёрный’, *малахитовый* ‘ярко-зелёный’, *фиалковый* ‘цвета фиалки’, *ржавый* ‘красно-бурый’, *изумрудный* ‘ярко-зелёный’, *опаловый* ‘бледно-стекловидный’, *оливковый* ‘жёлто-зелёный с коричневым оттенком’, *пшеничный* ‘цвета пшеницы’, *соломенный* ‘светло-жёлтый’, *песочный* ‘коричнево-жёлтый’, *смоляной* ‘чёрный’, *сумрачный, сумеречный* ‘серый’, *пламенный* ‘оранжево-красный’, *сиреневый* ‘лиловый’, *молочный* ‘голубовато-белый’, *абрикосовый* ‘цвет абрикоса’, *персиковый* ‘цвета персика’, *крававый* ‘цвета крови’, *мандариновый* ‘цвета мандарина’, *апельсиновый* ‘цвета апельсина’, *пепельный, пепелистый* ‘сероватый’, *огненный, огнистый, огневатый* ‘красный’, *бронзовый* ‘золотисто-коричневый’, *шафрановый* ‘жёлто-оранжевый с коричневым оттенком’, *рудый, рудой, рудный* ‘рыжий’, *каштановый* ‘коричневый’, *кофейный* ‘тёмно-коричневый’, *шоколадный* ‘коричневый’, *канареечный* ‘светло-жёлтый’ и др. (в языке художественной литературы). Количественное соотношение ЦО с вторичной цветовой номинацией во фразеологии, языке фольклора и языке художественной литературы непропорциональное: в составе фразем используются прилагательные *золотой, серебряный, розовый, вишнёвый*, в на-

роднопоэтической речи — лексемы *золотой, серебряный, розовый, вишнёвый, бирюзовый, кумачовый, небесный*, в художественной речи — широкий список слов, в числе которых, кроме адъективов *золотой, серебряный, розовый, вишнёвый, бирюзовый, кумачовый, небесный*, лексемы *аквамариновый, аспидный, агатовый, малахитовый, фиалковый, ржавый, изумрудный, опаловый, оливковый, пшеничный, соломенный, песочный, смоляной, сумрачный, сумеречный, пламенный, сиреневый, молочный, абрикосовый, персиковый, малиновый, кровавый, мандариновый, апельсиновый, пепельный, пепелистый, огненный, огнистый, огневатый, бронзовый, шафрановый, рудый, рудой, рудный, каштановый, кофейный, шоколадный, канареечный* и др. По сути, адъективы *золотой, серебряный, розовый, вишнёвый* функционируют во фразеологии, а также в языке фольклора и в языке художественной литературы; прилагательные *кумачовый, бирюзовый, небесный* (наряду со словами *золотой, серебряный, розовый, вишнёвый*) используются в народнопоэтической и художественной речи. При этом в народнопоэтической традиции ЦО с производной цветовой номинацией и их дериваты являются (за исключением слов *золотой, серебряный, розовый*) моносемантами, описывающими, как правило, цвет артефактов. Например: *Молодая к обеду идёт, / На ней юбочка вишнёвая* [13:187]; *Платочек мой, / Бирюзовенький, / Утирайся, милый мой, / Пока новенький* [17:316]; *Не прогневайся, хозяин, / В чём ходила, в том и вышла: / В белой тоненькой рубашке, / В кумачовой телогрейке* [10:105]; *Прилетели голуби, нарядили её в платье золотое, туфельки красные, а в косы ленты вплели небесные* [14:316].

Кроме производной “цветовой” номинации, отмеченные прилагательные (2) передают основные значения ‘сделанный из (золота, серебра, вишни, аспиды, агата, малахита, бирюзы, аквамарина, изумруда, опала, оливок, пшеницы, соломы, песка, крема, молока, персиков, малины, абрикос, мандарин, апельсинов, бронзы)’, ‘относящийся к (небу, розе, фиалке, кумачу, смоле, сирени, пеплу, огню, пламени, жару, сумраку, шафрану, каштану, кофе, шоколаду, канарейке)’, ‘покрытый (ржавчиной, кровью, или устар. рудой; *рудный* образовано от зап. *руда* ‘кровь’ [9 (4):108]). С помощью данных адъективов носители языка обозначают цвет (в том числе и иносказательно), которым наделены различные реалии. Ср.: *Малы малышки катали катышки, сквозь землю прошли, по тычинке всползли, синю шапку нашли: синяя, синяя — да и вишнёвая*

(горох) [11:66]; *Ильнична полыхала вишнёвым румянцем* [...] (М. Шолохов); *Дверь открыла та женщина в небесных погонах с тупым и тяжёлым лицом* (А. Солженицын); *Это было у моря, где волна бирюзова, / Где ажурная пена и соната пажа* (И. Северянин); *Аквамаринная прозелень лесов уже сменилась богатым густо-зелёным опереньем* [...] (М. Шолохов); *На севере [...] стояла аспидная муть* (И. Бунин).

Появления этих и подобных лексем с вторичной цветовой номинацией (2) определяется особенностями работы сенсорно-рецептивного компонента этнического языкового сознания, тем, что данный способ вербализации цвета обусловлен восприятием природных и культурных артефактов, социально значимых реалий, вызывающих стойкие ассоциации. Отсюда примеры, подобные следующим: *Ласковый, розовоматовый / Вечер. / В небо вознёсся агатовый / Блещущий глетчер* (А. Белый); [...] *и снова Алёшкин перелесок летом — в малахитовой зелени распротёртых ветвей* [...] (М. Шолохов); [...] *подняв на господина своё слегка побледневшее лицо, свои фиалковые глаза, до умопомрачения неожиданно, без передышки сказала* [...] (И. Бунин); *У переднего всадника на груди кровел, как рана, кумачовый бант* (М. Шолохов); *Он лежал на спине, [...] уставившись в чёрную соломенную крышу, с которой падали крупные ржавые капли* (И. Бунин). Фактически, окружающие носителя языка объекты внешнего мира фиксируются этносознанием и становятся природными и культурными референтами данных ЦО: *Изумрудная стала вода замутнённых каналов, / И крапива запахла, как розы, но только сильнее* (А. Ахматова); *В запутанной подземке под опаловой золой рдяно светились угли* (М. Шолохов); *Как оливковы листики грузи! / Как призывно плоды их висят!* (И. Северянин); *На бугре Петро надел перчатки, расправил пшеничные усы и [...] крикнул* (М. Шолохов); [...] *рядом сидит девушка в рабочей испачканной одежде, а с головой непокрытой, соломенные волосы распущены, и ни одного гребня, ни итильки* (А. Солженицын); *На нём был песочный костюм [...] и яркий галстук* (А. Солженицын).

Экстралингвистические факторы (историко-культурные, природно-климатические, социальные особенности жизни этноса) влияют на цветовую картину мира народа, объективизируя её в виде лексических единиц с вторичной цветовой номинацией (2). Ср.: *Но люблю ослабелый / От заоблачных нег — / То сверкающе белый, / То сиреневый снег* (И. Анненский); — *Эх, накатать бы! —*

прихлопнула ладошкой по перилам другая — **со смоляными тонкими кудрями**, в спортивной свободной курточке (А. Солженицын); **Сумрачное небо** всё ниже спускалось к земле (И. Бунин); **За домами сумеречной лиловой синью** курилась степь (М. Шолохов); Он [ветер. — И. Г.] волновал сад [...] и снова нагонял зловещие космы **пепельных облаков** (И. Бунин); Людмила Афанасьевна — крупная женщина с простыми крупными чертами лица, с уже **пепелистыми**, но стриженными и подвитыми **волосами**, сказала общее негромкое «здравствуйте» [...] (А. Солженицын); Опять надела Зинаида свой **огненный халат**, хорошую кофту, опять не дотумкала одеться побледнее (Л. Улицкая); **Солнце село; звезда зажглась и дрожит в огнистом море заката** [...] (И. Тургенев); **Полночь пламенные плуги / Нивой звёздной вскопсят...** (Вяч. Иванов); **И в мир шоколада в румяной зарёю, / В молочные Альпы мечтанье летит** (О. Мандельштам).

В основе таких ЦО лежит метафорический или метонимический образ, основанный на определённых ассоциативных связях. Ср.: Капа в демисезонном **абрикосовом пальто** с многими крупными пуговицами [...] (Солженицын); [...] **по персиковым щекам** ползли с ресниц чёрные потоки раскисшей краски (М. Булгаков); **Ветка далёкая / Росистая / Наклоняется / В небе малиновом** (А. Белый); **Человек в белом плаще с кровавым подбоем** поднялся с кресла [...] (М. Булгаков); [...] он нервничает, громко сопит, вертит головой из стороны в сторону, стараясь укрыть лицо за длинными **мандариновыми волосами** (Братья Пресняковы); [...] **сладким осадком** вливалась **апельсиновая гуца** рано наступившего вечера (Б. Пастернак); [...] дремучие поросли сплелись на его голове, чёрноугольные вкрапины отмечали **бронзовое лицо** [...] (А. Солженицын); **Проникло солнце утром рано / Косою полосой шафрановою / От занавески до дивана** (Б. Пастернак); **Рудое, в синих подтёках, трупно темнело над ветряком небо** [...] (М. Шолохов); **В волосах рыжих, чёрных, каштановых, светлых, как лён, — в ливне света играли и плясали, рассыпали искры драгоценные камни** (М. Булгаков); **Опустившись до земли, солнце, точь-в-точь как до несчастья, дотягивалось до печных изразцов, зажигало коричневым жаром кофейные обои** [...] (Б. Пастернак); Он сразу охватил: **на шоколадных волосах** голубой берет [...] (А. Солженицын); [...] мелькали железнодорожные будки с **канареечными кругами подсолнечников** [...] (И. Бунин).

Указанные ЦО (2), список которых значительно шире представленного (см., например: [16]), носители русской лингвокультуры употребляют не только для передачи закреплённых за ними спектральных значений с наличием / отсутствием дополнительных смыслов, но и значений неконкретизированного, тёмного цвета. Это относится, например, к прилагательным **сиреневый** и **опаловый**. Ср.: **В сиреневой** колющей над двором **темноте** чернела приоткрытая дверь сарая (М. Шолохов); **Мимо, в опаловой** ночной **темноте** [...] пробежали вагоны Дагестанского полка (М. Шолохов). Употребление слов **сиреневый** и **опаловый** для речевой актуализации тёмного времени суток обусловлено их семантикой. ЦО **сиреневый** как 'лиловый' и лексема **опаловый** как 'бледно-стекловидный', связанный со значением 'непрозрачный', находятся в области обозначения тёмного цвета. В силу этого данные адъективы коррелируют при описании тёмных оттенков цветов этих и подобных денотатов.

Как было сказано выше, лексемы с первичной (1) и вторичной (2) цветовой номинацией вошли в группу ЦО на базе прототипических объектов, поиск которых «идёт постоянно» [6:126]. Носители языка, «давая имена цветовым оттенкам по аналогии с соответствующими предметами, в первую очередь привлекают те из них, которые чаще всего попадают на глаза, лучше всего ему известны» [1:131], номинативно маркируют то, что является биологически, социально или культурно значимым в сознании народа. К таким эталонам-прототипам принадлежат драгоценные металлы (**золотой, серебряный**), минералы (**аспидный, малахитовый**), драгоценные (**изумрудный**) и полудрагоценные камни (**агатный, бирюзовый, аквамаринный, опаловый**), растения (**розовый, фиалковый, кубовый, сиреневый, шафрановый, каштановый, тиеничный, оливковый**), фрукты, ягоды, цитрусовые (**абрикосовый, персиковый, малиновый, вишнёвый, мандариновый, апельсиновый**), специи (**коричневый**), ткани (**кумачовый**), сплавы и ржавчина (**бронзовый, ржавый**), песок (**песочный**), смола (**смоляной**), солома (**соломенный**), небо (**небесный**), напитки и сладости (**молочный, кофейный, шоколадный**), кровь (**кровавый, рудый, рудой, рудный**), краска (**багрецовый, багровый, багряный**), пепел (**пепельный, пепелистый**), огонь (**огненный, огнистый, огневатый**), пламя (**пламенный**), сумрак (**сумрачный, сумеречный**), птицы (**канареечный**), кипень (**кипенный**). Из основных ("нецветовых") значе-

ний данных прилагательных развились спектральные признаки, которые и закрепились в семантической структуре указанных лексем. Ср. использование слова *агатовой* в основном 'из агата сделанный' и производном (спектральном) значении: *Леночка [...] вдела в уши чёрные агатовые блюдечки с мелкой жемчужиной посередине [...]* (Л. Улицкая); *Желтоватый загар ровно покрывал [...] кожу её широкоскулого лица, грубоватого, но почти красивого своей прямо-той и строгой живостью глаз — не то агатовых, не то янтарно-серых, менявшихся, как у кошки* (И. Бунин). Часть адъективов — это малочастотные (*аспидный, кубовый, кипенный*) или отнесённые к периферии семантических рядов слова (*рудый, рудой, рудный*).

Итак, адъективы с производной цветовой номинацией используются в разных фрагментах русского языкового пространства — в составе фразем, народнопоэтических выражений, литературно-художественных сочетаний. Данные слова, образованные от названий прототипических объектов, непропорционально проявляют себя в текстах разных жанровых систем: во фразеологии — лексемами *золотой, серебряный, розовый, вишнёвый*, в фольклорных выражениях — словами *золотой, серебряный, розовый, вишнёвый, коричневый, багрецовый, бирюзовый, кумачовый, небесный*, в литературно-художественных сочетаниях — широким списком адъективов, в числе которых слова *золотой, серебряный, розовый, вишнёвый, коричневый,*

багрецовый, бирюзовый, кумачовый, небесный, аспидный, агатовый, малахитовый, фиалковый, кубовый, кровавый и др. Указанные прилагательные, образованные от имён существительных (*золото, серебро, роза, вишня, аспид, агат, малахит, фиалка, кумач, ржа, бирюза, аквамарин, изумруд, опал, оливка, пшеница, солома, песок, небо, смола, сумрак, пламя, сирень, молоко, абрикос, персик, малина, пепел, куб, кровь, мандарин, апельсин, огонь, бронза, шафран, каштан, кофе, шоколад, канарейка, кипень, руда*), относятся к лексемам с первичной (*коричневый, багрецовый, кубовый, кипенный*) и вторичной (*золотой, серебряный, розовый, вишнёвый, небесный, малахитовый, фиалковый, кумачовый, кровавый*) цветовой номинацией, осмысливаются (за исключением слов *золотой, серебряный, розовый, коричневый*) носителями русской лингвокультуры как слова с производной цветовой номинацией без дополнительной эмоциональной, экспрессивной, оценочной информации. При этом рассматриваемые ЦО фиксируют национально-культурную специфику цветовых представлений языкового коллектива и их роль в жизни человека, а также специфику цветовых ассоциаций. Поэтому в перспективе целесообразно рассмотреть структурно-семантические и функциональные свойства этих единиц на материале других фрагментов русского языкового пространства, в первую очередь, в языке публицистики, что и будет предпринято в наших дальнейших исследованиях.

Литература

1. Василевич А. П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте : на материале цветообозначения в языках разных систем / А. П. Василевич / АН СССР ; Ин-т языкознания ; отв. ред. В. Н. Телия. — М. : Наука, 1987. — 140 с.
2. Виноградова Л. В. РКИ в современном языковом пространстве / Л. В. Виноградова // Бодуэновские чтения : Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика : междунар. науч. конф. (Казань, 11-13 дек. 2001 г.) : труды и материалы : в 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2001. — Т. 2. — С. 128–130.
3. Лотман Ю. М. Нам — всё необходимо. Лишнего — в мире нет / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. и тартуско-московская семиотическая школа. — М. : Гнозис, 1994. — С. 442–451.
4. Лю Юй Ин. Цветообозначение и символика цвета в китайском языке / Лю Юй Ин // Актуальні проблеми металінгвістики : зб. ст. за матеріалами III-ї міжнар. наук. конф. / Черкаськ. держ. ун-т імені Б. Хмельницького. — У 2-х ч. — Ч. 1. — Черкаси : Брама, 2003. — С. 29–33.
5. Маразов И. Митология на златото (културни модели на древността) / И. Маразов. — София: Изд-ва къща «Христо Ботев», 1994. — 335 с.
6. Наименования цвета в индоевропейских языках : системный и исторический анализ / Отв. ред. А. П. Василевич. — М. : КомКнига, 2007. — 320 с.
7. Усанкова Н. В. Слова-цветообозначения красного тона как репрезентанты концептуализированной зоны «кровь» / Н. В. Усанкова // Языкознание : современные подходы к традиционной проблематике : сб. науч. тр. / Калинингр. гос. ун-т ; под ред. Г. И. Берестова. — Калининград : Изд-во КГУ, 2001. — С. 165–173.

Источники

8. Былины / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Селиванова Ф. М.]. — М. : Сов. Россия, 1988. — 576 с.
9. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4 т.] / В. Даль. — М. : Рус. яз., 1981. — Т. 2. — 1981. — 779 с.; Т. 4. — 1982. — 683 с.
10. Народный театр / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Некрыловой А. Ф., Савушкиной Н. И.]. — М. : Сов. Россия, 1991. — 544 с.
11. Русские народные загадки, пословицы, поговорки / [сост., авт. вступ. ст., коммент. и слов Круглов Ю. Г.]. — М. : Просвещение, 1990. — 335 с.
12. Русские пословицы и поговорки ; под ред. В. Аникина ; предисл. В. Аникина; [сост. Селиванов Ф., Кирдан Б., Аникин В.]. — М. : Худож. лит., 1988. — 431 с.
13. Русский фольклор / [сост. и примеч. В. Аникина]. — М. : Худож. лит., 1986. — 367 с.
- Сказки : [в 3-х кн.] / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Круглова Ю. Г.]. — М. : Сов. Россия, 1988. — Кн. 1. — 1988. — 544 с.
14. Фразеологический словарь русского литературного языка / [сост. А. И. Федоров]. — М. : ООО «Фирма Издательство АСТ», 2001. — 720 с.
15. Харченко В. К. Словарь цвета : реальное, потенциальное, авторское : свыше 4000 слов в 8000 контекстах / В. К. Харченко. — М. : Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2009. — 532 с.
16. Частушки / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова]. — М. : Сов. Россия, 1990. — 656 с.